DOI: 10.53273/27128768_2021_4_27

П.Е. Сорокин

ЗВЕЗДА НИЕНШАНЦА

Аннотация
Результаты археологических исследований шведской крепости Ниеншанц (1611–1703) в Петербурге позволили расширить представления о развитии и конструкции этой крепости, выделить три основных периода ее строительства. Первоначальный дерево-земляной замок, построенный на месте Ландскроны, сменился в середине XVII в. земляной крепостью в виде звезды с пятью бастионами. Хорошая сохранность остатков Ниеншанца позволяет ставить вопрос о создании на их основе археологического парка.
Ключевые слова: Ниеншанц, Санкт-Петербург, крепость, цитадель, укрепления, бастионы, рвы

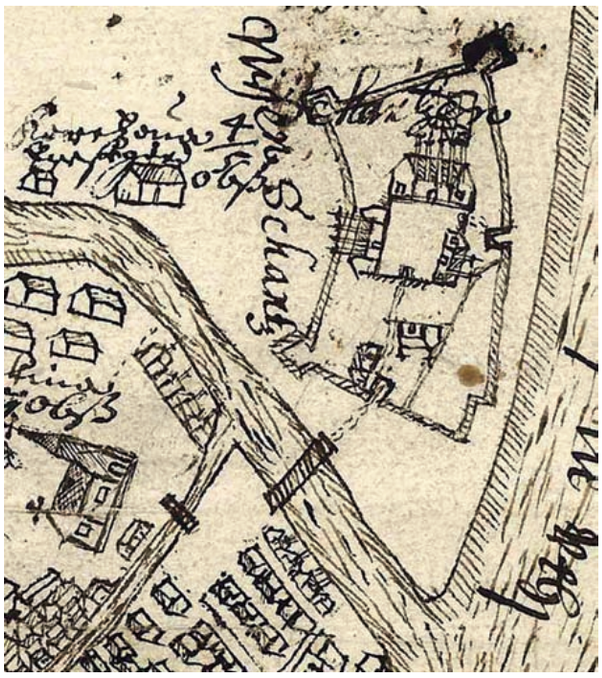
P.E. Sorokin

THE STAR OF NYENSCHANTZ

Abstract
The results of archaeological research of the Swedish fortress of Nyenschantz (Nyenskans in Swedish) (1611–1703) in Saint Petersburg to expand our understanding of the development and construction of this fortress, and help distinguish three main periods of its construction. The original earth and timber castle built on the site of Landskrona was remade into an earthen fortress in the form of a star with five bastions in the mid-17th century. Due to the good preservation of the remains of Nyenschantz, the question of creating an archaeological park on their basis.
Keywords: Nyenschanz, Saint Petersburg, fortress, citadel, fortifications, bastions, ditches

Взятие крепости Ниеншанц в устье Невы войсками Петра Великого 1 мая 1703 г. знаменовало собой возвращение Россией выхода в Балтику и стало прологом к основанию Санкт-Петербурга. Петр I назвал завоеванную крепость Шлотбург — «город-замóк», что означало закрытие для неприятеля входа в Неву и в Россию. Первое время она была царской резиденцией, и вблизи нее размещался лагерь русских войск. С началом строительства новой крепости на Заячьем острове русское командование поспешило вывести из строя укрепления Ниеншанца, опасаясь нового захвата их шведами, совершавшими, вплоть до 1708 г., ежегодные рейды к Неве из Карелии. Новый город строился в нескольких километрах ближе к ее устью, и Ниеншанц надолго оказался за его границами. Разрушенную шведскую крепость упоминали иностранные путешественники и дипломаты в своих описаниях новой русской столицы, но эти записки скупы и отрывочны [Беспятых 1991: 48, 56, 102]. Подробных документов об этом событии также не сохранилось, поэтому ясной картины ее разрушения не складывается. В описании военных действий 1704–1705 гг., когда шведы под началом Майделя вновь занимали Охтинский мыс, упоминается уцелевший бастион. В 1709 г. датский посланник Юст Юль, наблюдавший в составе свиты царя испытание взрывчатки на руинах укреплений Ниеншанца, отмечал их значительное разрушение [Записки Юста Юля… 1899: 103–104]. Но на картах Петербурга, до начала строительства на мысу Охтинской верфи в 1806 г., крепость по-прежнему обозначалась в виде полной пятиконечной звезды.

Уже первый историк Петербурга А.И. Богданов в середине XVIII в. причислял Ниеншанц к главным памятникам петровской эпохи — «антиквитетам» и призывал к его сохранению для потомков [Богданов 1997: 238–240]. Позднее, в 1830-е гг., когда на этом месте уже существовала Охтинская верфь, за спасение уцелевших валов Ниеншанца выступал и его первый исследователь — лютеранский пастор А.И. Гиппинг. Вновь о сохранении остатков крепости, следы которой еще сохранялись на поверхности, напомнили городские газеты в канун празднования 200-летнего юбилея Петербурга [Сорокин 2001: 97–98]. В 1980-х гг. в результате последней перестройки находившегося на ее месте «Петрозавода» большая часть территории была занята индустриальной застройкой. После многолетнего строительства на Охтинском мысу возможность ее сохранения уже не рассматривалась. Поэтому археологическое открытие Ниеншанца стало неожиданностью не только для широкой общественности,



Ил. 1. Карты Ниеншанца
1.1. Карта низовьев Невы, 1643 г. Национальный архив Швеции (Riksarkivet), Стокгольм. RA. O. 1652. LK № 474
1.2. Ниен и Ниеншанц 1640-х гг. Военный архив Швеции (Krigsarkivet), Стокгольм. KrA. SFP O. N. № 15
Fig. 1. Maps of Nyenschantz
1.1. Map of the lower Neva, 1643. National Archives of Sweden (Riksarkivet), Stockholm. RA. O. 1652. LK № 474
1.2. Nyen and Nyenschantz in the 1640s. Military Archives of Sweden (Krigsarkivet), Stockholm. KrA. SFP O. N. № 15

но и для специалистов, историков и археологов. Раскопки, продолжавшиеся около пяти лет, с 2006 по 2010 гг., беспрецедентные по своим масштабам, вскрыли под пятиметровыми напластованиями остатки сразу трех исторических крепостей: Ниеншанца XVII в., Ландскроны XIII в. и средневекового мысового городища. Основания их укреплений, высотой до 2–4 м, сохранившиеся в земле на площади свыше 5 га, содержат ценную информацию об их расположении, планиграфии и конструктивном устройстве. Благодаря тому, что каждая последующая крепость была больше предыдущей, ранние укрепления сохранились внутри более поздних, что стало поводом для журналистов назвать их «Петербургской Троей». Полученные научные результаты существенно расширили представления о предыстории Петербурга и его «предшественниках» и, в особенности, о Ниеншанце.

Звездный образ цитадели Ниеншанца, хорошо известный по историческим планам, сложился не сразу. В течение XVII в. крепость перестраивалась и модернизировалась, форма и характер ее укреплений значительно менялись. По результатам историко-археологических исследований выделяются три основных периода строительства цитадели Ниеншанца.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НИЕНШАНЦ (1611–1643)

Создание новой крепости на Неве задумывалось шведами еще до начала войны с Россией. Осенью 1609 г. король Карл IX приказал выбрать место для ее строительства, «чтобы можно было защищать всю Неву под эгидой шведской короны» [Сорокин 2010: 361–362]. Ниеншанц планировался как форпост у устья Невы, которая, по мнению шведских властей, должна была стать основным оборонительным рубежом сдерживания русского наступления в Карелию и Финляндию. Захват Нотеборга (Орешка) и строительство Ниеншанца позволило бы шведам контролировать основной водный путь из России в Балтику, а также переправы на главных дорогах из Ингерманландии в Карелию.

Строительство крепости в устье реки Охты началось весной 1611 г. В тот год шведские войска под предводительством Якоба Делагарди, в условиях Смутного времени, захватили крепости Северо-запада и овладели Новгородом. В сентябре «недавно поставленный Ниеншанц уже настолько окреп благодаря насыпям, валу и рвам, что в его укреплениях могло укрыться 500 человек» [Видекинд 2000: 212]. Построенная на чужой территории в короткие сроки, крепость была, вероятно, достаточно простой и недолговечной. Но со временем она становится ядром города Ниена, основанного здесь в 1632 г. Густавом II Адольфом для ведения шведско-русской торговли. Король, посещавший Ниеншанц в 1615 г. — в год поражения под Псковом, погиб в том же 1632 г. в бою под Люценом, став героем Тридцатилетней войны и не дожив до реализации своих планов. Город строился, в основном, уже при его наследнице — королеве Кристине.

Очевидно, что крепость 1611 г. сохраняла определенную планиграфическую преемственность с находившейся здесь в 1300–1301 гг. Ландскроной, остатки укреплений которой оставались

на всей территории мыса. Судя по историческим планам 1640-х гг. [Bagrow, Köhlin 1953: VI.I], основой фортификационных сооружений раннего Ниеншанца был “konungsgarden” — королевский двор в центральной части Охтинского мыса. Как показали исследования, он был построен на месте полуразрушенной дерево-земляной платформы Ландскроны. На карте устья Невы 1643 г. [6; Bagrow, Köhlin 1953: IV.I; Возгрин, Шаскольский 1981] крепость изображена с двумя линиями укреплений (Ил. 1.1). Прямоугольный замок, Schanzen, окружен внешней оградой с бастионами, напоминающими полевые укрепления, названной Nyenschanz. Они имели вид неправильного шестиугольника с изогнутыми куртинами и тремя бастионами, с южной — напольной стороны и с восточной — на берегу Охты. Двое крепостных ворот выходили на северо-восток к мосту через Охту и на запад к Неве. Регулярный замок, построенный в виде каре и ориентированный по сторонам света, показан в развертке. С его южной, восточной и западной сторон располагались три постройки с трубами, вероятно, казармы и дом коменданта, северная часть ограждалась стеной. Снаружи замок окружал ров, показанный штриховкой. Из трех построек за пределами замка одна, видимо караулка, находилась у ворот. Другая, с крестами на фронтонах (вероятно, крепостная часовня), у дороги к воротам в город. Постройка, увенчанная крестом, на берегу Охты, где в первой половине XVII в. существовало кладбище, имеется и на другом плане тех лет. Двухэтажный замок, с трубами на крыше, обращен трехчастным фасадом с окнами и арочными воротами в центре в сторону Охты (Ил. 1.2). Общие черты в форме и расположении Ниеншанца этого периода на разных планах указывают на то, что это одно и то же сооружение — дерево-земляной замок в форме каре, показанный с различной степенью детализации.

Сохранение внутри строящихся бастионных крепостей старых укреплений — средневековых каменных замков, утративших с развитием артиллерии свое оборонительное значение, было широко распространено в европейской фортификации в XVI–XVII вв. Однако дерево-земляной замок Ниеншанца, показанный на планах середины 1640-х гг., видимо, строился одновременно с внешними укреплениями. Причиной этого были как сохранявшиеся на мысу средневековые сооружения, так и недостаток сил, времени и средств на создание более мощных и современных укреплений. Следует заметить, что строительство бастионных крепостей в шведских владениях разворачивается, в основном, уже после его основания, во времена Густава II Адольфа (1611–1632).

В месте локализации замка по историческим планам, в южной части крепостной площадки, изучено каменное основание одной из заглубленных построек XVII в., также ориентированной по сторонам света. Подземная часть сооружения, врезанная в платформу Ландскроны на глубину около 1,5 м, сохранилась в виде выложенного булыжником пола и остатков каменного фундамента. В его кладке сохранились гнезда деревянных столбов, установленных с определенными интервалами, и наземная часть постройки, возможно, фахверковая. Фундаментная кладка, сложенная из грубо обработанной известковой плиты, изнутри помещения имела лицевую обработку. Пятиугольная постройка разделялась стеной на две комнаты — западную и восточную. Максимальные размеры стен составляли 10,4 м, а площадь постройки — около 96 м^2 (Ил. 2). Находки из заполнения постройки: печные коробчатые изразцы темно-зеленого цвета с растительным орнаментом, белоглиняные курительные трубки, сосуды из керамики и каменной массы датируются XVII в. Однако расположение постройки не соответствует планиграфии поздней крепостной застройки, что позволяет связывать ее с королевским двором первой половины — середины XVII в. Других археологических остатков, которые могли бы относиться к этому сооружению, не обнаружено. Заглубленный нижний этаж мог служить складским и хозяйственным помещением. В нем на каменном полу найдена небольшая плавильная печь, а также каменные жернова. На верхнем уровне, вероятно, находилось жилое помещение, отапливаемое изразцовой печью.

Замок в виде каре из деревянных построек и ограды, расположенный на центральной площадке и возвышавшийся на несколько метров над окружающим пространством, держал под обстрелом открытую территорию шириной около 60 м, окруженную внешними укреплениями. Он был защищен двумя линиями заплывших рвов Ландскроны, расположенных в 10 и в 35 м от него. Третий ров, прорытый между реками — в 40 м южнее второго, ограничивал оконечность мыса с крепостью и кладбищем на берегу Охты с напольной стороны. Они имели трапециевидную форму в разрезе, ширина их достигала 12–15 м, а глубина к этому времени — 2–2,5 м.

В центре второго средневекового рва, напротив ворот замка со стороны р. Охты, обнаружено основание **крепостного моста** (Ил. 3). Его пролет, длиной 7,6 м и шириной 6 м, расположенный поперек рва, примыкал к внутреннему склону. Он был срублен в чашу из бревен диаметром до 30 см и сохранился на высоту до шести венцов. Следы второго, видимо разобранного разводного пролета моста, прослеживались по древесным остаткам с противоположной — внешней стороны рва. По планам 1640-х гг. он располагался на дороге, ведущей от замковых ворот к мосту через Охту, за которым находился центр города.

Строительство крепостного моста, датированное дендрохронологическим методом около 1633 г. [Сорокин, Тарабардина 2012], последовало через год после основания Ниена.

Перед вторым крепостным рвом на отдельных участках вдоль р. Охты с восточной и северной сторон крепости обнаружены частокольные заграждения. Оборонительная линия с двумя рядами столбов и с интервалами между рядами 1,9 м, установленная в направлении юго-восток — северо-запад, прослежена на протяжении 50 м к югу от моста. Столбы диаметром 15–20 см были вкопаны в канавки. Судя по дендродатам, заграждение возводилось около 1638 г. [Сорокин, Тарабардина 2012: 87]. Сверху его остатки оказались перекрыты слоем прокаленного песка с включениями древесного угля и находок. Слой связывается с разрушением крепости и пожаром 1656 г. Внутри ограждения изучены остатки нескольких сгоревших деревянных построек того же времени. Перед мостом ограждение раздваивалось — передний ряд продолжался в том же направлении, а задний поворачивал вдоль дороги к мосту, ограждая площадку перед ним. Продолжением его, вероятно, являлось двойное частокольное заграждение в северной части мыса. Три других участка однорядного частокола, в центре и на севере, расположенные поперек мыса, также представляют собой разновременные защитные сооружения на северных подступах к крепости.

Выявленные линии частокола совпадают по расположению с внешними полевыми укреплениями с тремя бастионами на карте 1643 г. и, видимо, являются его остатками. На проектном плане 1644 г. по периметру северной оконечности мыса показаны заграждения следующего периода, в виде горнверка — вспомогательного наружного укрепления, служившего для усиления основного крепостного фронта, к которому оно примыкало.

Реконструируемая высота внешних укреплений со стороны Охты могла достигать трёх и более метров над землей. Второй ряд, видимо, был ниже первого и служил для его укрепления и опоры стрелкового помоста, устраиваемого обычно на высоте человеческого роста. Для противодействия артиллерии основание стены и пространство между столбами могли засыпаться грунтом, а с внешней стороны также обкладываться дерном. В этом случае стрелковая площадка с внутренней стороны, прикрытая первым рядом частокола, оборудовалась поверх насыпи. Стрельба могла вестись как через бойницы в первой линии столбов, так и поверх частокола. Внешнее укрепление вдоль обрывистого берегового склона Охты, высотой около 3 м, было серьезным препятствием на этом направлении. Вероятно, аналогичные стены существовали по всему периметру мыса, но в одних местах исследования не проводились, в других следы их оказались утрачены при последующем строительстве.

УКРЕПЛЕНИЯ НИЕНШАНЦА 1643–1656 гг.

Вскоре после решения Государственного совета Швеции 1638 г. о разметке на местности города Ниена началась разработка проектов его планировки и укрепления. В 1643 г. генерал-квар-

Ил. 2.
Каменное основание постройки XVII в.
Фото автора

Fig. 2.
Stone foundation of 17th century construction.
Author's photo

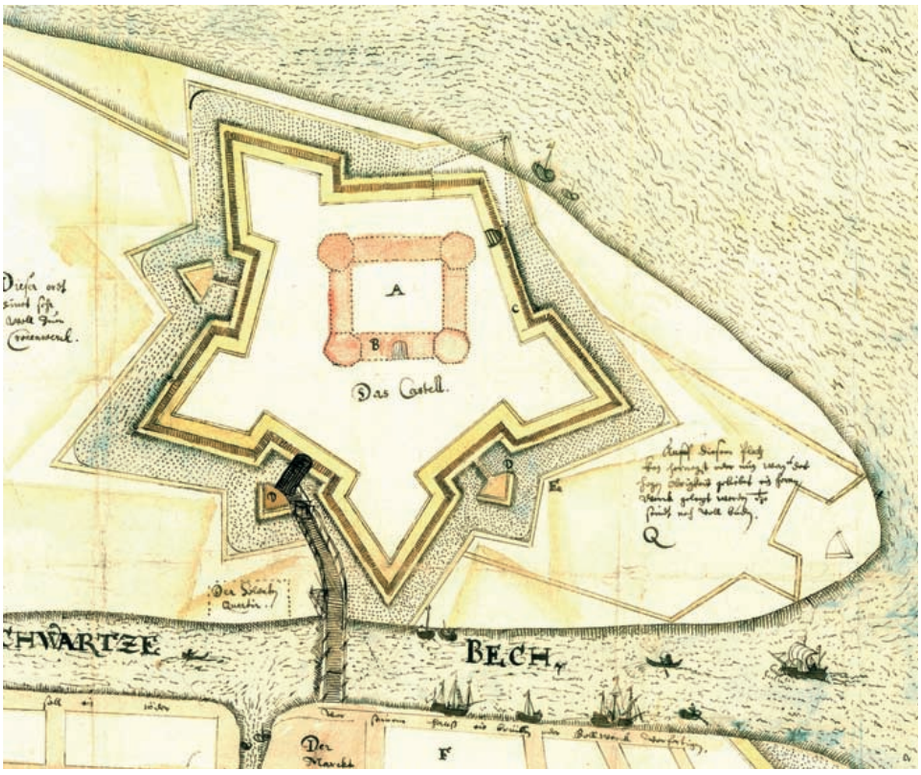
тирмейстер И. Роденбург и Г. Швенгель составили планы Ниеншанца [Munthe 1902: 534]. После их обсуждения в 1644 г. Г. Швенгель подготовил исправленный проект, восходящий к более раннему плану 1633 г. [2] (Ил. 4.1). Он предусматривал строительство пятиугольной цитадели с четырьмя бастионами и тремя равелинами. Форма бастионов — удлиненные фасы с острыми исходящими углами (около 70°) и укороченные фланки, расположенные перпендикулярно куртинам крепости, были характерны для Старо-голландской системы укреплений. В центре крепости по-прежнему изображался четырехугольный Замок — Castel с четырьмя восьмиугольными башнями по углам.

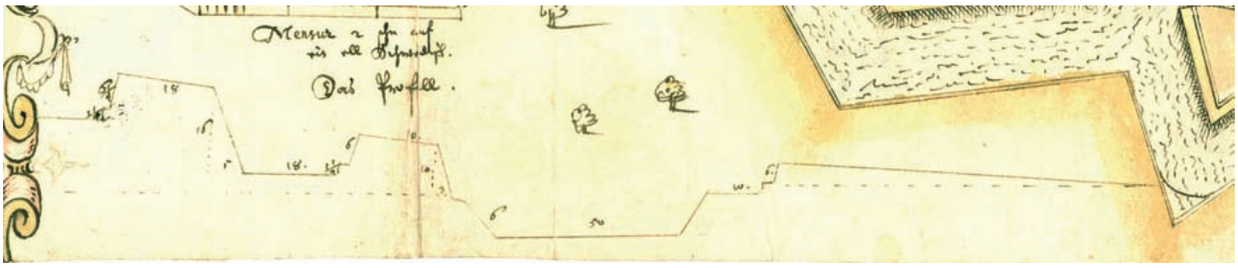
В 1652 г. генерал-губернатор Ингерманландии Эрик Стенбок послал новый план городских укреплений Ниена в Стокгольм. В сопроводительном письме сообщалось, что в отличие от города, «...крепость к этому времени была укреплена и могла выдержать осаду...», но при этом «...план укрепления замка и города, составленный Швенгелем в 1644 г., должен быть продолжен, поскольку старое укрепление — сканцен к этому времени пришло в упадок, почти разрушилось» и до сих пор не восстановлено [Bonsdorff 1891: 5; Blees 1938: 76–78]. Вероятно, основными укреплениями на этот период были внешние — вал с частоколом, а замок находился в ветхом состоянии. На утвержденном правительством обновленном проекте крепости 1652 г., подготовленном под руководством генерал-квартирмейстера Роденбурга инженером Зойленбергом, мысовая цитадель в форме звезды с пятью бастионами изображена на оконечности мыса [Ahlberg 2005: 730–732], крепостной ров заполнен водой, а два ее бастиона выходят в русла Невы и Охты.

Работы по возведению новой крепости, едва начатые, вскоре были остановлены из-за нехватки средств и рабочих [Blees 1938: 76–77]. Генерал-губернатор Ингерманландии и Кексгольмского лена Густав Эвертсон Горн в 1655 г. писал в Стокгольм, что крепости провинции пребывают в упадке: «…у многих мужиков в деревнях ворота лучше тех, что я видел в крепостях Короны. В Швеции на бумаге показывают грандиозные планы и чертежи, но ничего не выполняется» [Munthe 1902: 226–227]. Для реализации нового проекта требовалась перепланировка территории мыса: выравнивание центральной площадки и засыпка рвов Ландскроны. По всей видимости, был выбран наиболее простой и экономичный способ перестройки, при котором старые оборонительные сооружения постепенно заменялись новыми, что позволяло сохранять обороноспособность крепости в процессе строительства и обеспечивало экономию времени и трудозатрат. Строительство начиналось, вероятно, на наименее защищенных водными преградами направлениях — южном и восточном, внутри существовавшей оборонительной линии.

Раскопки выявили юго-восточный участок укреплений этого периода протяженностью около 116,5 м, ориентированный в меридиональном направлении. Протяженность восточной куртины крепости по верху эскарпа рва и по основанию вала достигала 37 и 42 м. На окончаниях, с обеих сторон, к ней примыкали фланки бастионов длиной около 9 м. Стенка рва в этих местах поворачивала под прямым углом в восточном направлении. С северной стороны куртины (правый фланк восточного бастиона) она пересекала ров Ландскроны под углом около 40° и заканчивалась на его внешнем склоне. Внутри рва эскарп фланка оборудовался дерновой кладкой в 12 м южнее старого крепостного моста, оказавшегося в результате засыпки в теле строящегося бастиона. Однако новый ров в соответствии с конфигу-

Ил. 3. Крепостной мост Ниеншанца, 1633 г. Западный пролет. Фото автора
Fig. 3. Fortress bridge of Nyenschantz, 1633. Western span. Author's photo





Ил. 4.
Г. Швенгель.
План крепости Ниеншанц.
1644 г.
4.1. Цитадель Ниеншанца.
4.2. Разрез крепостных укреплений.
Военный архив Швеции (Krigsarkivet), Стокгольм.
KrA. SFP O. N. № 1

Fig. 4.
G. von Schwengeln,
Plan of Nyenschantz fortress,
1644
4.1. The Citadel of Nyenschantz.
4.2. Section of the fortifications.
Military Archives of Sweden (Krigsarkivet), Stockholm.
KrA. SFP O. N. № 1

рацией планируемых укреплений, за пределами старого, почти не был вырыт, за исключением подрезок. С южной стороны восточной куртины — на левом фланке юго-восточного бастиона, эскарп рва поворачивал под углом около 100° в южном направлении, переходя в основание фаса, край которого прослежен на протяжении свыше 57 м. В северной части он оформлялся с подрезкой внутреннего склона рва Ландскроны и далее на поверхности межровного пространства. Глубина нового рва достигала 3,6 м, однако первоначально могла быть 4 м и более. Участок дерновой стенки, относящийся, вероятно, к левому фасу юго-западного бастиона, обнаружен с южной стороны мыса между рвами Ландскроны. С других сторон остатков укреплений этого периода не выявлено. Вероятное место их расположения на значительной площади оказалось перерезано поздними рвами, что затрудняет оценку реальных масштабов строительства на этом этапе.

Эскарповая стенка рва высотой свыше 3,6 м облицовывалась кладкой из уложенных горизонтально пластов дерна. Ширина ее увеличивалась сверху вниз с 0,5 м до 1,15 м, а угол наклона с 50° до 80° (Ил. 5.1). Позади рва располагался вал фоссебреи, шириной около 2 м, с реконструируемой высотой в человеческий рост, которая предназначалась для ведения подошвенного боя из артиллерии и стрелкового оружия. За ним была оборудована трапециевидная траншея шириной до 5 м, сохранившаяся на высоту до 1,3 м между главным крепостным валом и фоссебреей — дополнительным пониженным валом (Ил. 5.2). Фоссебреи могли опоясывать крепость по периметру, создавая дополнительный рубеж обороны между рвом и валом. Часто они устраивались на фланках и куртинах, образуя единую позицию, как это видно на примере крепости Кастеллет (Копенгаген) первой половины XVII в. (Ил. 6).

Устройство выявленных остатков оборонительных сооружений крепости значительно различается по размерам с элементами укреплений в проекте Швенгеля 1644 г., где перед основным валом, высотой около 5 м, также показана фоссебрея, которая (Ил. 4.2) отделяется от рва, глубиной всего 18 м и шириной по дну

Ил. 5.
Укрепления крепости второго периода (1643–59 гг.).
5.1. Крепостной ров.
5.2. Остатки фоссебреи.
Фото автора

Fig. 5.
Fortifications of the fortress in the second period (1643–1659).
5.1. The fortress moat.
5.2. Remains of the faussebraye.
Author's photo

около 9 м, бермой и насыпью высотой около 2 м и толщиной до 3 м. Ширина траншеи фоссебреи по дну — около 5,4 м, равна толщине главного вала. Выявленные укрепления отличает более широкий и глубокий ров и меньшие параметры фоссебреи. Проектные параметры рва у Швенгеля более чем в 2 раза уступают аналогичным размерам в крепости второй половины XVII в., у которой не было фоссебреи. Таким образом, проект Швенгеля, очевидно, не был реализован, и укрепления Ниеншанца середины XVII в. строились позднее по плану Роденбурга-Зойленберга 1652 г., накануне русско-шведской войны. Строительство их было прервано войной и, судя по состоянию, они были далеки до завершения, что и объясняет сдачу крепости без боя отряду ладожского воеводы Петра Потемкина. В конце июня 1656 г. при его приближении шведские войска Густава Горна спешно покинули ее. Город был сожжен, но вскоре, с изменением политической ситуации, русские войска вынуждены были оставить крепость [Нева и Ниеншанц… 1909: 86; Blees 1938: 78].

ТРЕТИЙ ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА КРЕПОСТИ ПО ДАННЫМ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Третий период строительства Ниеншанца начинается уже в 1659 г. после заключения Валиессарского перемирия в войне, когда новый генерал-губернатор Ингерманландии Симон Гельмфельт получил приказ об укреплении Ниена — «весьма значительного и важного поселения» — в соответствии с прежним планом [Munthe 1906: 225–227, 521]. Уже в сентябре 1661 г. он сообщил в Стокгольм о почти полном завершении строительства крепостных укреплений. Однако в том же году инженер Якоб Шталь разработал новый план укрепления Ниена. Причем речь шла и о той же мысовой цитадели, поскольку в 1663 г. король приказал продолжить в ней работы, и они велись до 1665 г. Новая крепость показана на плане Юхана Шталя, составленном в этом году [Ahlberg 2005: 736–737].

Проектирование крепости на самой оконечности узкого мыса для надежной его защиты являлось и ее существенным недостатком, так как

Ил. 6.1. Крепость Кастеллет (Копенгаген) первой половины XVII в. Фото ©: Wikimedia Commons / Bob Collowan
Ил. 6.2. Фоссебреи крепости Кастеллет. Фото автора
Fig. 6.1. Kastellet the Citadel (Copenhagen) in the first half of the 17th century. Photo ©: Wikimedia Commons / Bob Collowan
Fig. 6.2. Faussebraye of Kastellet. Author's photo

приводило к уменьшению размеров укреплений, ограниченных береговыми линиями рек. Вероятно, это противоречие и стало главной проблемой, которую не удалось решить во втором строительном периоде. Строительство новой крепости в начале 1660-х гг. велось по обновленному проекту, хотя план самих укреплений в форме пятиконечной звезды был близок проекту Роденбурга-Зойленберга. Крепость была смещена на 50 м южнее — на более широкую часть мыса, развернута относительно предшествующей примерно на 20° по часовой стрелке и за счет этого несколько увеличена в размерах. Она строилась с новым расположением и конфигурацией крепостных валов, бастионов и окружавших их рвов, как это видно на планах 1665–1681 гг. [5; Сорокин 2001: Рис. 13, 15] (Ил. 7).

Однако и новое положение цитадели не позволяло существенно увеличить ее размеры, а примыкание земляных укреплений к рекам угрожало их размывом. Генерал-квартирмейстер Эрик Дальберг, посетивший Ниен в 1681 г., так описывал эту ситуацию: «...вершины двух бастионов поднимаются с одной стороны до самой реки Невы (Мельничного П.С.), а с другой — до Черной речки (Мертвого, Охты П.С.), а эти реки переполнены водой и льдом не только весной и имеют сильное течение. При сильном западном, северном или юго-западном шторме течение гонит воду из Балтийского моря в Неву и Черную Речку на 7–8 футов выше ее ординара... течение вызывает большие волны, которые при ледоходе и весеннем половодье совершенно неистовствуют, смывая и разбрасывая всё по пути, поскольку почва состоит из глины и смешанной с песком земли, которая не может сопротивляться воде. Это приводит к тому, что ров обоих бастионов соединяется с Невой и Черной Речкой, и хотя до сего дня его удавалось укрепить прочными больверками и шпунтами, чтобы сохранить их, вода ежедневно причиняет ущерб и есть опасность, что эти бастионы будут совершенно разрушены водой» [Кальюнди, Кирпичников 1975: 78–79]. На карте течения Невы, приложенной к этому донесению, также отмечалось, что «…при буре с запада, севера и юго-запада вода у Ниена поднимается на 4 локтя выше обыкновенного и причиняет находящемуся там укреплению большой убыток…» [Лаппо-Данилевский 1913: № 9].

Сопоставление ситуации на исторических планах с археологическими данными позволяет лучше понять строительную историю крепости. Наземные сооружения Ниеншанца, за исключением рвов и заглубленных частей, оказались снивелированы в позднее время. По плану Эрика Дальберга 1681 г. крепость вписывалась в окружность диаметром 300 м, ее общая площадь по внешней границе рва составляла около 55 тыс. м^2. Инженер Ф. Ласковский, на основе доступных ему материалов и аналогий, определял высо-

ту «главных укреплений» Ниеншанца в 12,8 м (6 саж.), а ширину вала в 19,2 м (9 саж.) [Ласковский 1861: 288]. Сведения о параметрах валов цитадели реконструируются по картографическим данным. По плану 1681 г. ширина крепостных валов достигала 15,5 м в основании и 8,5 м в верхней части, включая бруствер шириной 2,5 м. На основе сводных данных реконструируемая высота вала, при наклоне эскарпа, как и у рва — 60°, может быть определена ориентировочно, близкой к 7,5–8 м, включая высоту бруствера, соответствующую человеческому росту. Сходные сведения о высоте вала 3 саж. имеются и в показаниях пленного 1702 г. [1].[1]

На плане 1675 г. пять бастионов получили название: Старый, Мертвый, Карлов, Гельмфельтов, Мельничный, два воротных равелина: Большой со стороны Невы и Малый — к новому мосту через Охту. Внутри укреплений изображена периметральная застройка из прямоугольных корпусов, расположенных в форме пентагона вдоль крепостных валов, в числе которых: казармы, дом коменданта и кордегардии [4]. На плане 1681 г. на их месте изображены уже трапециевидные в плане постройки под насыпными откосами, примыкавшими к крепостному валу (Ил. 7). Они располагались в виде пятиугольника вокруг центральной площади. Внутривальные казематы показаны только в западной и южной куртинах крепости. Единственное изображенное на них сооружение на внутренней площадке, обнаруженное в ходе раскопок, — колодец, находившийся в центре крепости. На плане 1681 г. в юго-восточной куртине со стороны моста через Охту показан разрыв. Очевидно, он объясняется первоначальным планированием в этом месте главных крепостных ворот и моста. Ворота в южной куртине впервые появляются на плане 1671 г. [3]. Поскольку сооружение основных укреплений было завершено уже к 1665 г., юго-восточный проход, вероятно, был оставлен в качестве замаскированного хода (лаза), наряду с новыми воротами, сделанными в начале 1670-х гг. в южной куртине.

Оборонительные сооружения, отсутствующие на других планах, имеются на «Плане внутренних сооружений Ниеншанца», который ранее датировался как фиксационный план конца XVII в. [Семенцов и др. 2003: 14]. На нем изображены казематы с батареями на всех фланках бастионов, прикрытые орильонами, поворотные батареи, а также контрминные галереи. С южной стороны крепости вдоль оборонительного рва между Мертвым и Гельмфельтовым бастионом показана контрминная галерея с отходящими от нее Т-образными минными рукавами с камерами на окончаниях. Крепостной ров оканчивается на этом плане перед фасами Мельничного и Мертвого бастионов, напрямую выходящих к берегам рек, а равелин показан только с южной стороны.

Учитывая, что воротные равелины перед южной и северо-западной куртинами впервые обозначены в 1675 г., а окончательное оформление крепостных рвов произошло в 1681 г., рассматриваемый план может относиться ко времени с конца 1660-х до середины 1670-х гг. Защита бастионов со стороны рек стала возможна только благодаря расширению мыса в этих местах путем подсыпки грунта.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА КРЕПОСТИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Крепостные рвы Ниеншанца выявлены на площади около 13 тыс. кв. м, на глубине от 2,5 до 4 м. Наиболее сохранившиеся участки эскарповой (внутренней) стенки крепостного рва на Карловом и Гельмфельтовом бастионах находятся на уровне 4,68, а участки южного контрэскарпа (внешней стенки) — до 3,21 БС.[2] Глубина составляет около 4,0 м у подножия эскарпа и до 4,8–5,0 м в центре. Ширина рва (без скрытого хода) в центре куртин была около 30 м, по биссектрисе (оси шпица бастионов) — 22 м. С внешней стороны, судя по плану 1681 г., ров завершался закрытым ходом шириной около 3 м и ограничивался по периметру 12-ти метровым гласисом, который не сохранился.[3]

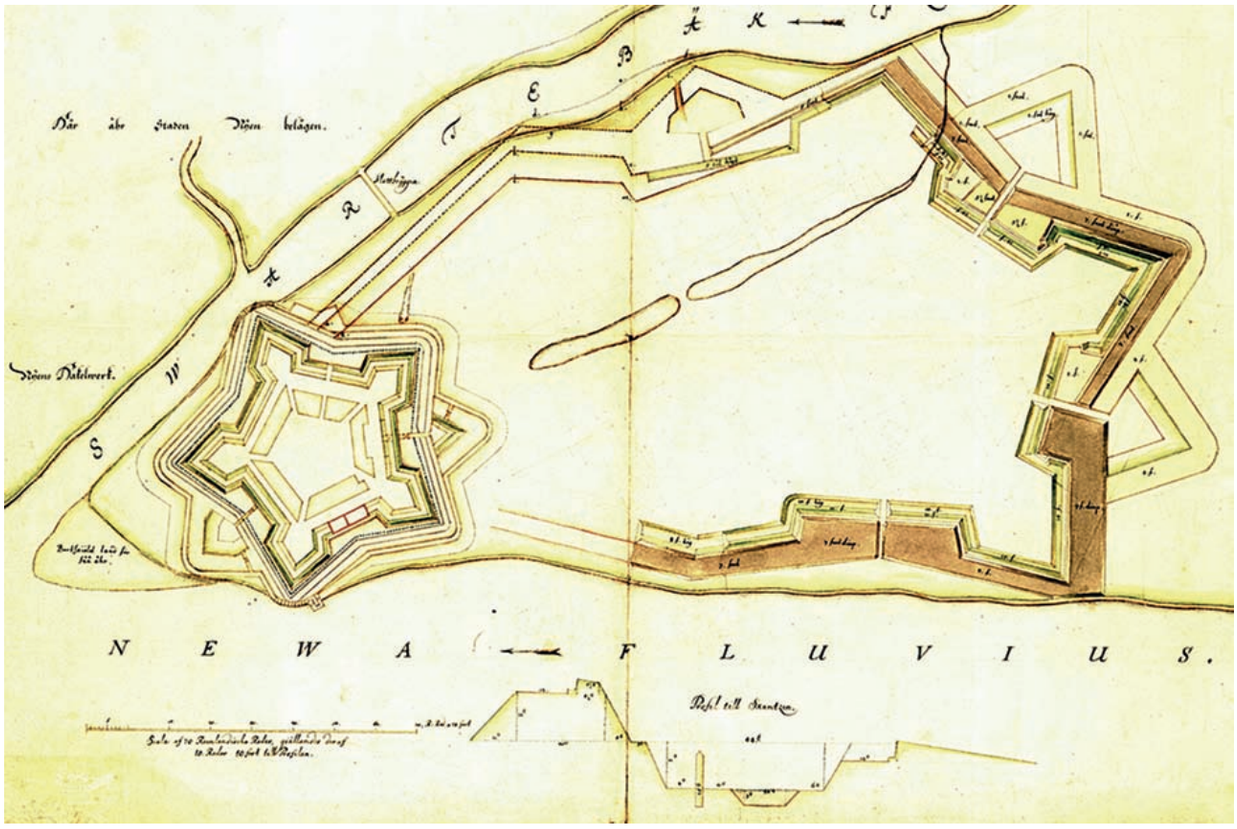
Устройство рва начиналось с разметки его на местности и выборки котлована в соответствии с проектом, далее проводились укрепление песчаных стенок и планирование дна с уклоном и дренажной канавой в центре. Грунт, извлекаемый из рва, отсыпался с внутренней стороны для сооружения вала. Но часть его шла на засыпку понижений рельефа вокруг самого рва для выравнивания уровня эскарпа со всех сторон крепости. Вдоль внутренней стенки котлована в заглубление укладывались фашины из хвороста. Поверх них возводились дерновые стенки, выравнивавшие и укреплявшие откосы котлована. В их основании, в зависимости от грунтов и гидрологии, устраивались деревянные конструкции: срубы бревенчатых городней, сваи (столбы), местами с ростверком (Ил. 8.3). Все изученные свайные конструкции попадают на пониженные участки территории или средневековые рвы, где укрепления, включая и стенки рвов, приходилось формировать насыпным грунтом.

Стенки рва облицовывались **дерновыми кладками** из прямоугольных пластов размерами 20–35 см, толщиной до 8 см**.** Они укладыва-

1 Пользуясь случаем, благодарю Т.А. Базарову за предоставленную информацию.

2 БС — здесь и далее отметки земной поверхности в Балтийской системе высот (от Кронштадтского футштока). Средний уровень воды в реках у Охтинского мыса составляет около 0,3 БС.

3 Закрытый ход — закрытая позиция на контрэскарпе, гласис — внешний откос за контрэскарпом, берма — уступ между рвом и валом.



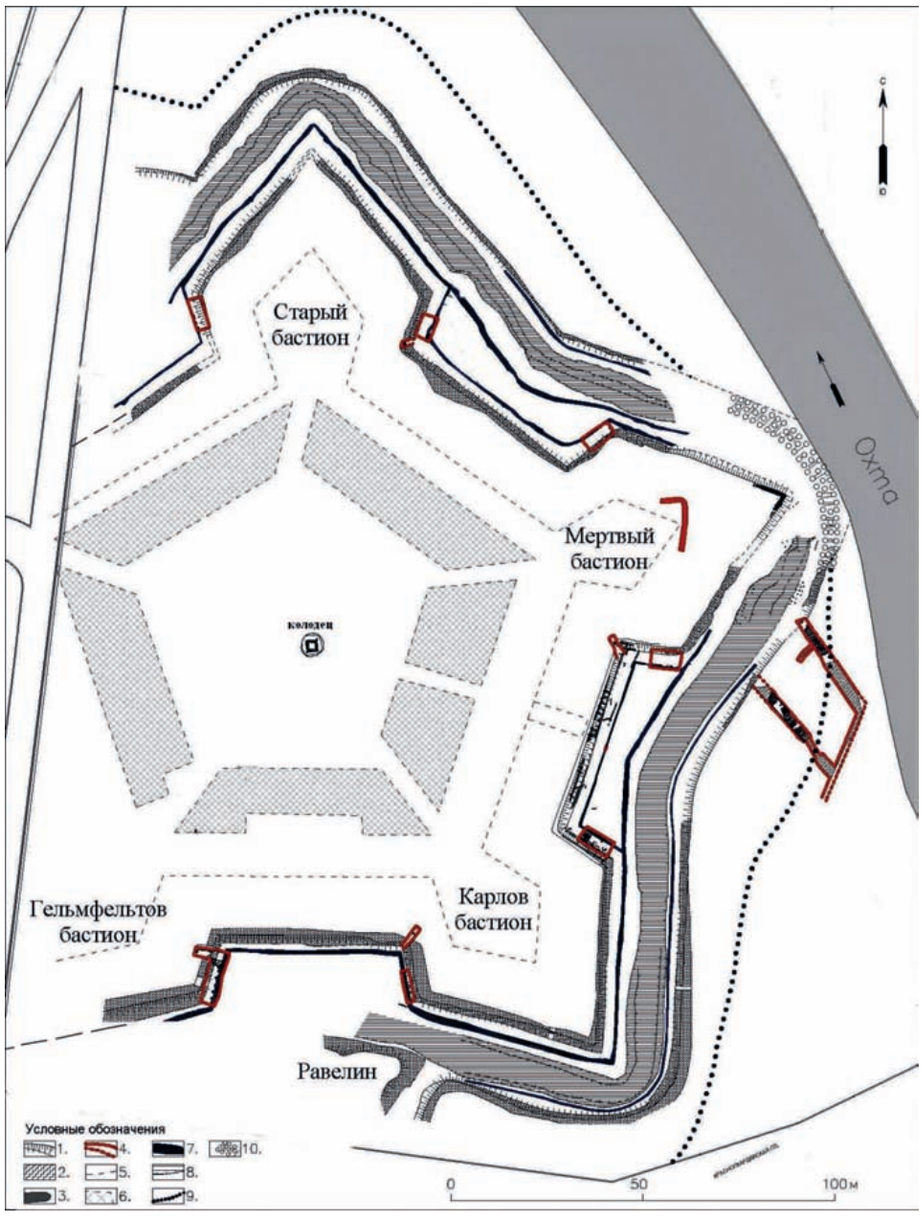
Ил. 7. Э. Дальберг. План крепости Ниеншанц с разрезом новых укреплений, 1681 г. Военный архив Швеции (Krigsarkivet), Стокгольм. KrA. SFP O. N. № 11
Fig. 7. E. Dahlbergh, Plan of Nyenschantz fortress with a section of new fortifications, 1681. Military Archives of Sweden (Krigsarkivet), Stockholm. KrA. SFP O. N. № 11

лись горизонтально на подготовленное основание — поверх засыпанных грунтом деревянных укреплений или фашин, с перекрытием и небольшим уклоном в сторону рва. Основной уклон стенки под углом 50–60° обеспечивался за счет смещения верхних пластов по отношению к нижнимот рва к стенке котлована. Ширина кладки уменьшалась с 1,2 м в основании до 0,9 м вверху. Пласты скреплялись деревянными шпильками. Пространство между кладкой и стенкой котлована перемежалось супесью с дерном и трамбовалось (Ил. 8.2).

В двух местах, где ров Ниеншанца подходил к берегам рек Охты и Невы, рассматривался вопрос соединения его с реками, но поскольку укрепления были земляными, это приводило бы к их размыву. Для их защиты делались «прочные больверки и шпунты», отмечал Эрик Дальберг. Тогда же, для укрепления основания стен, планировалось облицевать эскарповые стены главного вала от дна рва до уровня горизонта камнем [Blees 1938: 88], но эти предложения не были реализованы. На плане 1681 г. показаны насыпные укрепления берега, а контрэскарп рва перед шпицами двух бастионов оформлен в виде полукруглых дамб со свайными преградами [5]. Возможно, в них располагались водные ворота — батардо, позволявшие регулировать уровень воды во рвах (Ил. 8.10).

Крепостной ров был заглублен в своей нижней части до уровня воды в реках (около 0,30 БС), и его донная поверхность постоянно подтоплялась. Для дренирования и сбора поверхностных вод в центре рва была вырыта большая дренажная канава — кювет, шириной 7–9 м, глубиной около 0,5 м (Ил. 8.8). Места крепостных мостов на дне рва оказались перекрыты сооружениями Охтинской верфи. В начале XIX в. с южной стороны крепостной ров был оборудован под гавань для маломерных судов, связанную с Невой, в северной стороне на его месте построили корабельный эллинг.

Частокольное заграждение в крепостном рву представляло собой дополнительную преграду перед эскарпом. Раскопки выявили на дне рва две линии заграждения в виде канавок со следами и остатками частокола. Первая проходила в 3 м от эскарпа и повторяла конфигурацию земляных укреплений крепости. Вторая линия, выдвинутая перед куртинами на 9–12 м вперед по отношению к первой, располагалась перед дренажной канавой, повторяя контур внешнего борта рва — контрэскарпа, имевшего в плане дугообразную форму. У фасов бастионов ее трасса приближалась к ним и совпадала с первой линией, частокол которой сохранился на высоту



Ил. 8
Оборонительные сооружения крепости Ниеншанц по археологическим данным:
1 — эскарп и контрэскарп рва,
2 — дерновая облицовка стенок рва,
3 — деревянные конструкции,
4 — оборонительные сооружения: сортии, фланковые площадки для стрельбы, подземные ходы,
5 — граница валганга,
6 — местоположение внутренних построек по плану 1681 г.,
7 — частокольные канавки,
8 — кювет,
9 — гласис,
10 — дамба со стороны реки Охты.
Автор: П.Е. Сорокин

Fig. 8
Defensive structures of Nyenschantz fortress according to archaeological data:
1 — scarp and counterscarp of the moat,
2 — sod lining of the walls of the moat,
3 — wooden structures,
4 — defensive structures: sorties, flank firing areas, underground passages,
5 — border of valang,
6 — location of internal buildings according to the plan of 1681,
7 — palisade grooves,
8 — moat,
9 — glacis,
10 — dam from the direction of the Okhta river.
Author: P. Sorokin

до 1,8 м над поверхностью (Ил. 8.7). В заграждении использовались стволы сосны, реже ели и березы, толщиной 25–40 см, возрастом, согласно дендрохронологическим данным, 83–159 лет.

Для укрепления частокола с внутренней стороны он соединялся поперечными жердями в пазы [Сорокин и др. 2017: 67]. Перед центральной частью юго-восточной куртины напротив хода в валу, невдалеке от сортии Мертвого бастиона, в заграждении имелась калитка. Она открывалась внутрь и не была заметна с внешней стороны.

Дендрохронологические исследования позволили уточнить время создания двух линий заграждений. Первоначальный частокол, располагавшийся ближе к центру рва, датируется 1676 г., новый был установлен вдоль эскарпа накануне Северной войны, в 1698 г. [Сорокин, Тарабардина 2012: 89–91]. Полученные данные подтверждаются и планами Ниеншанца.

Деревянные стрелковые платформы на фланках бастионов обнаружены перед эскарпом в виде остатков деревянных конструкций: столбов, расположенных в определенной системе, и деревянных настилов (Ил. 8.4). Судя по сооружениям, у левых фланков Карлова и Гельмфельтова бастионов, сохранившимся лучше других, столбы толщиной 30–40 см располагались в 3 ряда. Они служили для опоры деревянных настилов, примыкавших к фланкам выше середины эскарпа рва.

Стрелковые платформы, расположенные на 1,5 м ниже горизонта (основания валов) и около 2–2,5 м над дном рва на деревянных помостах, примыкали к фланкам на протяжении около 6,5 м в центральной части. Они опирались

на склон эскарпа и столбы, нависая над рвом, и доходили до частокола. На них, за верхом частокола и укрытиями из туров, могли размещаться стрелки для ведения фланкирующего огня по противнику, спустившемуся в крепостной ров, особенно при форсировании кювета, преодолении палисада и эскарпа. Доступ защитников крепости к платформам мог осуществляться через сортии, но был возможен и напрямую из казематов, устроенных над ними, — в валах фланков, показанных на плане сооружений Ниеншанца. На фланке Гельмфельтова бастиона платформа была связана с внутривальным срубным помещением в эскарпе.

В большинстве случаев опорные столбы стрелковых платформ прорезают более ранние конструкции укреплений — бревна городней (левый фланк Карлова бастиона) или дерновая стенка (левый фланк Гельмфельтова бастиона), а также частокольная канавка с внутренней стороны. Все это свидетельствует об их устройстве после установки нового частокола около 1698 г., в связи с непосредственной подготовкой крепости к обороне в начале Северной войны — в 1700–1703 гг.

Платформы для стрельбы, расположенные ниже горизонта на деревянных помостах, выполняли функции пониженных фланков, широко распространенных в бастионной фортификации. В земляных крепостях они насыпались из грунта на уровень около половины высоты наружной отлогости валов, что требовало дополнительной площади. На бастионах Ниеншанца устройство их было проблематично, так как теснота мыса не позволяла увеличивать размеры укреплений. Бастионы с двойными фланками, с установкой на них дополнительных орудий, существенно увеличивали мощь фланковой стрельбы. Имелись они и в первоначальной земляной Санкт-Петербургской крепости [Степанов 2000: 47]. Согласно плану 1681 г. двойные фланки планировались и на новых бастионах кронверка Ниеншанца.

Сортии — потайные ходы, ведущие из крепостных валов в ров, прорытые в материковом основании, были обнаружены в местах примыкания куртин к правым фланкам Старого, Мертвого и Карлова бастионов [Сорокин и др. 2017: 66–75] (Ил. 8.4). Они представляют собой наклонные лестничные спуски, ведущие из внутривальных помещений (потерн) в крепостной ров. Имелись ли аналогичные сооружения на левых фланках бастионов, установить не удалось, так как на этих участках они оказались повреждены поздними перекопами. Описанный выход иной конструкции с платформой для стрельбы на левом фланке Гельмфельтова бастиона, видимо, связан с ее расположением перед главным крепостным мостом, который хорошо простреливался с этой огневой позиции.

Наклонные ходы сортий, шириной 1,3 м и высотой 1,55 м, спускались в ров под углом 30–45°. Внутри них имелись лестницы с дощатыми ступенями. Основу конструкции хода составляла столбовая конструкция, обшитая досками. Дощатое перекрытие, имевшее такой же уклон, как и спуск, было перекрыто в несколько слоев берестой для гидроизоляции.

С внешней стороны, в основании эскарпа рва, сортии закрывались деревянными дверьми, крепившимися на столбах. Входная дверь была «утоплена» вглубь дерновой кладки до 1 м, и заметить ее можно было только вблизи фронтально. Кроме того, потайной ход был закрыт с внешней стороны частоколом. Перед ним оборудовалась насыпная площадка, возвышавшаяся над дном рва около 1 м.

Сортии служили для вылазок гарнизона, выхода в ров и на стрелковые платформы, для обороны подступов к эскарпу, а также выполнения ремонтных работ. Следует отметить, что все выходы сортий оказались перекрыты с внешней стороны дерновыми пластами — для маскировки или вследствие обрушения валов.

Противоминные ходы обнаружены с юго-восточной стороны укреплений Ниеншанца — на берегу Охты — напротив правого фаса Мертвого бастиона, на кладбище начала XVII в. Два подземных хода были проложены в юго-восточном направлении от контрэскарпа крепостного рва с интервалом около 15,5 м. За гласисом они примыкали к открытой траншее, прорытой от берега реки Охты в юго-западном направлении в 35 м вдоль крепостного рва (Ил. 8.4).

Западный ход протяженностью около 34 м состоял из нескольких участков. После узкого четырехметрового входа следовала потерна протяженностью 19,5 м и шириной 2,20 м, укрепленная каркасом из подтесанных бревен с дощатой обшивкой стен. Она была высотой более 2 м и имела деревянное перекрытие, засыпанное грунтом. Пол, вымощенный брусом, плавно повышался на 0,90 м к выходу. В 23,5 м от рва потерна переходила в крытую траншею протяженностью 4,90 м и шириной 1,70 м, которая на завершающем участке, около 6,50 м, выходила на поверхность и расширялась до 2–3 м, соединяясь с открытой траншеей, проходившей вдоль крепостного рва.

Аналогичный по конструкции восточный ход, сохранившийся на протяжении 26 м, выходил в ту же открытую траншею. В середине от его западной стенки, к юго-западу — вдоль крепостного рва, отходил облицованный деревом тупиковый ход, протяженностью 6 м и шириной 1 м, сохранившийся на высоту до 1,3 м. Подобные ответвления характерны для контрминных ходов, перерезавших подходы к укреплениям.

Различное устройство частей западного хода и расположение их под углом друг к другу свиде-

Ил. 9. Археологический парк на Охтинском мысе 9.1. М.Б. Атаянц, Е.В. Мельникова. Рисунок крепостей в городском ландшафте. 9.2. Архитектурное бюро «Студия-17» (С.В. Гайкович). Проект археологического парка. Материалы архива АНО «НИИ культурного и природного наследия»

Fig. 9. Arkheological park on the Okhtinsky Cape 9.1. M.B. Ataiants, E.A. Melnikova, Drawing of the fortress in the urban landscape. 9.2. Architectural Bureau "Studio 17" (S.V. Gaikovich.), Project of the Archaeological Park. Materials of ANO Scientific and Research Institute for Cultural and Natural Heritage

тельствует об их неоднородности. Контрминные ходы и слухи, копавшиеся со стороны крепости, должны были препятствовать рытью подкопов осаждающими и закладке мин под укреплениями. Обычно они не имели выхода на поверхность за пределами укреплений, так как это облегчало их обнаружение и проникновение в них противника. Вероятно, обнаруженная потерна также изначально была закрытой, а соединительные ходы между ней и открытой траншеей, с расхождением осей, могли быть встречными, вырытыми осаждающими.

На плане внутренних сооружений крепости в этой части гласиса от контрэскарпа рва в юго-восточном направлении показана контрминная галерея с отходящими от нее Т-образными ходами. В начальной части она совпадает с прохождением изученной подземной потерны, но южнее связана с полевыми укреплениями. Вероятно, план в отношении контрминных ходов

был реализован частично. На плане осады Ниеншанца 1703 г., южнее этого места, показаны осадные траншеи — «параллели» и «апроши» русских войск, одна из которых проходит от берега Охты к воротному равелину [Сорокин 2018: 8]. Отходящий в сторону крепости ход от открытой траншеи мог быть обычным в таких случаях продвижением осадных работ в сторону крепостных укреплений. Но это могут быть также и шведские контрапроши — оборонительные ходы сообщения — навстречу осаждавшим.

После войны 1656–1661 гг., помимо новой цитадели, на мысу в форме пятиконечной звезды были выстроены и бастионные укрепления вокруг городской застройки. Планы строительства новых укреплений в виде кронверка с тремя бастионами на мысу между Невой и Охтой, для переноса под их защиту всей городской застройки, разрабатывались лифляндскими инженерами — братьями Иоганом и Якобом Шталь фон Гольштейн в 1665–1670-х гг. После завершения строительства цитадели в 1665 г. работы по ее укреплению продолжались.

Как показали археологические исследования, новые фортификационные работы по установке частокольного заграждения и облицовке эскарпа дерном приходятся на 1676–1677 гг. Вероятно, они были связаны с устройством воротных равелинов и крепостных мостов, впервые показанных на плане 1675 г. [4]. Планирование новых укреплений кронверка, примыкавших к цитадели по берегам рек, повлияло на устройство системы контрминных ходов на этом направлении, которая, видимо, не была завершена. Строительство нового частокольного заграждения вдоль эскарпа и устройство связанных с ним площадок для фланковой стрельбы начинается в 1698 г., незадолго до Северной войны, и продолжается до 1703 г., когда крепость была взята русскими войсками.

ПАМЯТНИК, ДОСТОЙНЫЙ СОХРАНЕНИЯ

Крепости в форме звезд появляются уже на самой ранней стадии развития бастионной фортификации в Италии в конце XV–XVI вв. Именно с ними были связаны проекты идеальных городов Эпохи Возрождения, зародившиеся здесь и распространившиеся в Западной Европе. Укрепления таких городов обычно включали до 8–12 бастионов. С этой же традицией впоследствии связаны и проекты укрепления Санкт-Петербурга, выполненные архитекторами Д. Трезини и Ж.-Б.А. Леблоном. Малые звездные крепости имели 4, 5 и 6 бастионов. Такой тип фортификационных сооружений наиболее часто представляли цитадели в составе городских укреплений. Звездная цитадель Ниеншанца, впервые появившаяся на планах 1643 г., строилась в том же качестве. На нее предполагалось замкнуть укрепления города Ниена, расположенного на противоположном берегу Охты. Из-за нехватки средств городские укрепления были завершены только в 1666 г. В это же время возникли планы переноса всего города Ниена на мыс под защиту новых укреплений, строившихся в виде кронверка между Невой и Охтой, непосредственно примыкающего к цитадели. Одним из авторов этой идеи был известный шведский фортификатор Эрик Дальберг, тот самый, который, будучи в 1697 г. губернатором Лифляндии, не оказал Петру I, отправившемуся в составе Великого посольства в путешествие по Европе, должного приема. Среди прочего он не позволил царю изучить укрепления Рижской крепости, что и послужило впоследствии одним из поводов для начала Северной войны. Планы Ниеншанца 1670–1690-х гг. предусматривали регулярную планировку городских кварталов внутри крепости, с гармоничным размещением военных, общественных и церковных построек, восходящую к традиции создания европейских идеальных городов.

Наконец, в 1698 г. сменивший Дальберга на посту генерал-квартирмейстера Карл Магнус Стюарт, учитель Карла XII по фортификации, предложил полностью перестроить Ниеншанц, отказавшись от маленькой пятибастионной цитадели и отодвинув основные укрепления от узкой оконечности мыса южнее — на более широкую площадку. Он спроектировал новую шести-бастионную крепость с симметричным построением укреплений и регулярной планировкой городских кварталов. В проекте Стюарта уже отчетливо прослеживается влияние передовой французской фортификационной школы. Но и этому проекту не суждено было осуществиться. Неизвестно, как бы сложилась судьба Ниеншанца, если бы царь Петр и его генералитет имели на руках последний проект крепости, выбирая между ним и планом строительства крепости на Заячьем острове. По своим характеристикам, параметрам и мощи укреплений последний проект Ниеншанца превосходил характеристики первоначальной Петербургской крепости и при этом предлагал гармоничное сочетание укреплений с городской застройкой.

Раскопки на Охтинском мысу выявили неплохо сохранившиеся на всей его территории остатки звездного Ниеншанца, с остатками новгородского городища и Ландскроны внутри. Сохранившийся комплекс крепостных сооружений представляет собой уникальный памятник северо-европейской земляной фортификации XV в., который содержит малоизвестную информацию о структуре и деталях конструкции оборонительной системы бастионных крепостей нового времени. Остатки сооружений дают наглядное представление о размерах и располо-

жении крепости на местности и устройстве ее укреплений. Дальнейшее сохранение ее возможно как в закрытом, так и в открытом состоянии, после проведения необходимых реставрационных мероприятий.

После проведенных раскопок мы получили новый шанс сохранить для будущего эту яркую часть предыстории Петербурга в рамках Археологического парка на Охтинском мысу. Возможны различные варианты развития этой идеи. В зависимости от проекта он может быть ландшафтным, с показом сохранившихся археологических объектов под открытым небом, после их реставрации и музеефикации (Ил. 9.1). Возможна также музеефикация с перекрытием всего пространства исторических крепостей или отдельных их частей, а также макетирование утраченных сооружений, для более полного представления об их масштабах и внешнем облике (Ил. 9.2). Все это может сопровождаться богатой экспозицией археологических находок и исторических документов, повествующих о богатой событиями семитысячелетней истории этих мест.

Археологические памятники Охтинского мыса, знаменующие собой важные этапы в Российской истории, должны быть полностью сохранены. Необходимо уберечь эту уникальную историческую территорию, насыщенную памятниками, от застройки и сохранить для будущего реальные свидетельства истории.

Список сокращений

РГАВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Санкт-Петербург
KrA — Krigsarkivet. Военный архив Швеции, Стокгольм
RA — Riksarkivet. Национальный архив Швеции, Стокгольм

Архивные материалы

1. РГАВМФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 612.
2. KrA. SFP O. N. № 1.
3. KrA. SFP O. N. № 4.
4. KrA. SFP O. N. № 5.
5. KrA. SFP O. N. № 11.
6. RA. O. 1652. LK № 474.

Список литературы

Беспятых 1991. Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. 284 с.

Богданов 1997. Богданов А.И. Описание Санктпетербурга, 1749–1751. СПб.: Катриона, 1997. 414 с.

Видекинд 2000. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С.А. Аннинского, А.М. Александрова; под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 656 с.

Возгрин, Шаскольский 1981. Возгрин В.Е., Шаскольский И.П. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // Вспомогательные исторические дисциплины / под ред. А.И. Копанева и др. Л.: Наука, 1981. Т. 12. С. 271–280.

Записки Юста Юля… 1899. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) / пер. с дат. Ю.Н. Щербачева. М.: Университетская типография, 1899. 600 с.

Кальюнди, Кирпичников 1975. Кальюнди Е.А., Кирпичников А.Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник / под ред. П. Аристе и др.; Тартуский гос. ун-т. Таллин: ЭЭсти Раамат, 1975. Т. 20. С. 67–79.

Лаппо-Данилевский 1913. Лаппо-Данилевский А.С. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И. Гиппингом и А.А. Куником. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1913. 28 с.

Ласковский 1861. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России: в 3 ч. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1861. Ч. 2: Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. 642 с.

Нева и Ниеншанц… 1909. Нева и Ниеншанц: в 2 ч. / сост. А.И Гиппинг. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1909. Ч. 2. 255 с.

Семенцов и др. 2003. От шведского города к Российской столице. О чем рассказывают карты и планы XVII–XVIII веков: каталог выставки / С.В. Семенцов, У. Эрэнсвэрд, О.А. Красникова, Б. Гефферт, Т.П. Мазур, Г. Бээрнхильм, Т.А. Шрадер. СПб.: Эклектика, 2003. 47 с.

Сорокин 2001. Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.: Литера, 2001. 128 с.

Сорокин 2010. Сорокин П.Е. Крепость Ниеншанц. Некоторые итоги историко-археологического изучения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / под ред. Е.Н. Носова, С.В. Белецкого. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. 2. С. 361–378.

Сорокин 2018. Сорокин П.Е. Крепость Ниеншанц — замок на пути в Европу // История Петербурга. 2018. № 73. С. 6–15.

Сорокин и др. 2013. Археологические исследования Охтинского некрополя / Сорокин П.Е., Андреева О.В., Иванова А.В., Лазаретова Н.И. // Stratum plus. 2013. № 5: Под знаком Рюриковичей. С. 103–113.

Сорокин и др. 2017. Археологические исследования в устье реки Охты / П.Е. Сорокин, В.Д. Гукин, А.В. Иванова, Б.С. Короткевич, И.П. Лазаретов, В.Н. Матвеев, К.А. Михайлов, А.В. Поляков, С.Г. Попов; НИИ культурного и природного наследия, СПБАЭ. СПб., 2017. Т. 1: Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. 238 с. (Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 5).

Сорокин, Тарабардина 2012. Сорокин П.Е., Тарабардина О.А. Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга // Новгород и Новгородская земля: история и археология / отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород, 2012. Вып. 26. С. 84–92.

Степанов 2000. Степанов С.Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. История проектирования и строительства. СПб.: Черное и белое, 2000. 238 с.

Эренсверд 1998. Эренсверд У. Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы: сб. ст. / сост. А. Кобак и др. Стокгольм: Швед. ин-т, 1998. С. 18–25.

Ahlberg 2005. Ahlberg N. Stadsgrundningar och planforandringar. Svensk stadsplanering 1521–1721: Doctoral thesis. Uppsala: Institutionen för landskapsplanering, Sveriges lantbruksuniversitet, 2005. 860 p. (Acta Universitatis Agriculturae Sueciae. Agraria. Vol. 94).

Bagrow, Köhlin 1953. Bagrow L., Köhlin H. Maps of the Neva River and Adjacent Areas in Swedish Archives // Anecdota Cartographica III. Malmö, 1953. 8 p + XVI tab.

Blees 1938. Blees J. Fästningen Nyenskans och Nyen // Norrlands försvar: Årsskrift utgiven av Föreningen för Norrlands fasta försvar. Stockholm, 1938. P. 67–96.

Bonsdorff 1891. Bonsdorff C. von. Nyen och Nyensskans. Historisk skildring / Acta Societatis cientiarium fennicae, XVIII. Helsingfors: Finska litteratur-sällskapets tryckeri, 1891. 148 p. (Acta Societatis cientiarium fennicae. T. 18).

Munthe 1902. Munthe L.W. Kongl Fortifikationens historia. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1902. Vol. 1: Svenska Fortifikationsväsendet från nyare tidens början till inrättandet af en särskild Fortifikationsstat, år 1641. 643 s.

Munthe 1906. Munthe L.W. Kongl Fortifikationens historia. Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1906. Vol. 2: Fortifikationsstaten under Örnehufwudh och Wärnschiöldh 1641–1674. 590 s.

References

Ahlberg, N., *Stadsgrundningar och planforandringar. Svensk stadsplanering 1521–1721: Doctoral thesis*, Uppsala: Institutionen för landskapsplanering, Sveriges lantbruksuniversitet, 2005, 860 s., (Acta Universitatis Agriculturae Sueciae. Agraria, vol. 94), (In Swedish).

Bagrow, L., Köhlin, H., Maps of the Neva River and Adjacent Areas in Swedish Archives, in: *Anecdota Cartographica III*, Malmö, 1953, 8 p. + XVI tab.

Bespiatykh, Iu.N., *Peterburg Petra I v inostrannykh opisaniiakh* [Petersburg of Peter I in Foreign Descriptions], Leningrad: Nauka Publ., 1991, 284 p., (In Russian).

Blees, J., Fästningen Nyenskans och Nyen, *Norrlands försvar: Årsskrift utgiven av Föreningen för Norrlands fasta försvar*, Stockholm, 1938, pp. 67–96.

Bogdanov, A.I., *Opisanie Sanktpeterburga, 1749–1751* [A description of Saint Petersburg, 1749–1751], Saint Petersburg: Katriona Publ., 1997, 414 p., (In Russian).

Bonsdorff, C. von., *Nyen och Nyensskans. Historisk skildring*, Acta Societatis cientiarium fennicae, XVIII, Helsingfors: Finska litteratur-sällskapets tryckeri, 1891, 148 p., (Acta Societatis cientiarium fennicae. T. 18), (In Swedish).

Ehrensvärd, U., Shvedskoe kartografirovanie Ingermanlandii [Swedish Mapping of Ingermanland], in: A. Kobak et al. (eds.), *Shvedy na beregakh Nevy*, Stockholm: Swedish Institute Publ., 1998, pp. 18–25, (In Russian).

Hipping, A.I. (ed.), *Neva i Nienshants: v 2 ch.* [The Neva and Nyenschantz: in 2 parts], Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1909, part 2, 255 p., (In Russian).

Kaljundi, E.A., Kirpichnikov, A.N., Kreposti Ingermanlandii i Karelii v 1681 g. [The Fortresses of Ingermanland and Karelia in 1681], in: P. Ariste et al. (eds.), *Skandinavskii sbornik*, University of Tartu, Tallin: EEsti Raamat Publ., 1975, vol. 20, pp. 67–79, (In Russian).

Lappo-Danilevskii, A.S., *Karty i plany Nevy i Nienshantsa, sobrannye A.I. Gippingom i A.A. Kunikom* [Maps and Plans of the Neva and Nyenschantz Collected by A.J. Hipping and E.-E. Kunick], Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1913, 28 p., (In Russian).

Laskovskii, F.F., *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii: v 3 ch.* [Materials for the History of Engineering in Russia: in 3 parts], Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1861, part. 2, 642 p., (In Russian).

Munthe, L.W., *Kongl Fortifikationens historia*, Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1902, vol. 1: Svenska Fortifikationsväsendet från nyare tidens början till inrättandet af en särskild Fortifikationsstat, år 1641, 643 s., (In Swedish).

Munthe, L.W., *Kongl Fortifikationens historia*, Stockholm: P.A. Norstedt & Söner, 1906, vol. 2: Fortifikationsstaten under Örnehufwudh och Wärnschiöldh 1641–1674, 590 s., (In Swedish).

Sementsov, S.V., Ehrensvärd, A., Krasnikova, O.A., Geffert, B., Mazur, T.P., Beernkhil'm, G., Shrader, T.A., *Ot shvedskogo goroda k Rossiiskoi stolitse. O chem rasskazyvaiut karty i plany XVII–XVIII vekov: katalog vystavki* [From the Swedish Town to the Russian Capital. What the Maps and Plans of the XVII–XVIII Centuries Talk About: Exhibition Catalogue], Saint Petersburg: Eklektika Publ., 2003, 47 p., (In Russian).

Sorokin, P.E., Andreeva, O.V., Ivanova, A.V., Lazaretova, N.I., Arkheologicheskie issledovaniia Okhtinskogo nekropolia [Archaeological Investigations of the Cemetery on the Okhtinsky Cape], *Stratum plus*, 2013, no. 5: Pod znakom Riurikovichei, pp. 103–113, (In Russian).

Sorokin, P.E., Gukin, V.D., Ivanova, A.V., Korotkevich, B.S., Lazaretov, I.P., Matveev, V.N., Mikhailov, K.A., Poliakov, A.V., Popov, S.G., *Arkheologicheskie issledovaniia v ust'e reki Okhty* [Archaeological Investigations at the Mouth of the River Okhta], ANO Scientific and Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Saint Petersburg Archaeological Expedition, Saint Petersburg, 2017, vol. 1: Kul'turnyi sloi i sooruzheniia tsentral'noi chasti Okhtinskogo mysa [Cultural Layers and Structures of the Central Part of the Okhta Cape], 238 p., (Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga, iss. 5), (In Russian).

Sorokin, P.E., Krepost' Nienshants — zamok na puti v Evropu [Nyenschantz Fortress — a Castle on the Route to Europe], *Istoriia Peterburga*, 2018, no. 73, pp. 6–15, (In Russian).

Sorokin, P.E., *Krepost' Nienshants. Nekotorye itogi istoriko-arkheologicheskogo izucheniia* [Nyenschantz Fortress. Some Results of Historical and Archaeological Research], in: E.N. Nosov, S.V. Beletskii (eds.), *Kraeugol'nyi kamen'. Arkheologiia, istoriia, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran*, Moscow: Lomonosov Publ., 2010, vol. 2, pp. 361–378, (In Russian).

Sorokin, P.E., *Landskrona, Nevskoe ust'e, Nienshants* [Landskrona, the Neva Mouth, Nyenschantz], Saint Petersburg: Litera Publ., 2001, 128 p., (In Russian).

Sorokin, P.E., Tarabardina, O.A. Arkheologicheskie raskopki na Okhtinskom mysu i perspektivy sozdaniia dendrokhronologicheskoi shkaly Peterburga [Archaeological Excavations on the Okhtinsky Cape and Prospects of Development of Dendrochronological Scale for Saint Petersburg], in: V.L. Ianin (ed.), *Novgorod i Novgorodskaia zemlia: istoriia i arkheologiia*, Veliky Novgorod, 2012, iss. 26, pp. 84–92, (In Russian).

Stepanov, S.D., *Sankt-Peterburgskaia Petropavlovskaia krepost'. Istoriia proektirovaniia i stroitel'stva* [Saint Petersburg Peter and Paul Fortress. The History of Development and Construction], Saint Petersburg: Chernoe i beloe Publ., 2000, 238 p., (In Russian).

Vozgrin, V.E., Shaskol'skii, I.P., Shvedskaia karta nizov'ev Nevy 1640-kh godov [Swedish Map of the Lower Neva in the 1640s], in: A.I. Kopanev et al. (eds.), *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*, Leningrad: Nauka Publ., 1981, vol. 12, pp. 271–280, (In Russian).

Widekindi, J., *Istoriia desiatiletnei shvedsko-moskovitskoi voiny* [The History of the Ten Years' Swedish-Muscovite War], V.L. Ianin, A.L. Khoroshkevich (eds.), Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 2000, 656 p., (In Russian).

Zapiski Iusta Iulia, datskogo poslannika pri Petre Velikom (1709–1711) [The Notes of Just Juel, Danish Ambassador at the Court of Peter the Great (1709–1711)], Moscow: Universitetskaia tipografiia Publ., 1899, 600 p., (In Russian).

Сведения об авторе
Сорокин Петр Егорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18)
e-mail: petrsorokin@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0936-173X
Для цитирования: Сорокин П.Е. Звезда Ниеншанца // Terra artis. Искусство и дизайн. 2021. № 4. С. 27–43. DOI: 10.53273/27128768_2021_4_27

About the author
Sorokin Petr E., PhD in History, senior researcher, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (18, Dvortsovaya nab., Saint Petersburg, Russia 191186)
e-mail: petrsorokin@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-0936-173X
For citation: Sorokin, P.E., 'The Star of Nyenschantz', *Terra Artis. Art and Design*, no. 4, 2021, pp. 27–43. DOI: 10.53273/27128768_2021_4_27